

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Сизикова Александра Владимировича на тему: «Формы прошедшего времени в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого», представленную на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

В диссертации А.В. Сизикова проводится сплошное сопоставление претеритальных форм глагола в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» (далее ЖАЮ) с формами греческого оригинала, позволяющее установить не только тенденции развития русской видо-временной системы, но и творческий характер перевода. Автор справедливо полагает, что переводчик при передаче семантики глагольных форм полностью опирался на свои представления о современном ему употреблении времен и старался не формально отразить употребление глагольных форм оригинала, но передать смысл высказываний наиболее адекватным способом. Такое сопоставление предпринимается впервые (несмотря на то, что ЖАЮ уже было предметом детального исследования А.М. Молдавана, система претеритальных форм впервые подвергается столь подробному изучению), что определяет новизну темы. Ее актуальность обоснована богатством текста, позволяющим установить некоторые систематические отношения в употреблении личных форм прошедшего времени, а также тем обстоятельством, что лексические особенности памятника исследованы (благодаря трудам А.М. Молдавана и А.А. Пичхадзе) в настоящее время значительно полнее, чем грамматические. Предпринятое А.В. Сахаровой статистическое исследование претеритальных форм глагола в ЖАЮ в недостаточной степени отражает функционирование форм и делает дальнейшее подробное их описание в высшей степени уместным.

Диссертация имеет логичную структуру и четкий замысел: она состоит из трех глав и содержит обширное приложение, имеющее самостоятельную ценность. В первой главе кратко охарактеризованы литературные и языковые особенности памятника и история его изучения. Здесь же рассматриваются новозаветные цитаты в переводе, анализ которых указывает на его независимый характер: автор перевода передает все особенности греческого оригинала, не сверяя цитату с соответствующим текстом Священного писания (ср. вывод 1 на с. 138). Таким образом первая глава подготавливает читателя к ракурсу дальнейшего исследования. Вторая глава содержит сопоставление способов выражения действия, относящегося к прошлому, в древнегреческом, старославянском и русском языках на основании известной автору литературы, а также обзор использования этих

РК № 09/2-37 от 12.02.2018

способов в греческом оригинале. Сопоставление трех претеритальных систем показывает функциональное сужение набора временных форм древнерусского языка по сравнению с древнегреческим и старославянским, что и определяет значительную произвольность в выборе переводческих соответствий. Третья глава содержит анализ форм прошедшего времени в древнерусском варианте ЖАЮ и описывает значения простых и аналитических форм в этом памятнике, соотношение аориста и имперфекта, а также особенности выбора грамматически эквивалентов. Большую ценность представляет собой обширное приложение, содержащее сплошной конкорданс форм прошедшего времени оригинала и перевода с точным указанием места источника перевода и функционально-семантической интерпретацией каждой глагольной формы. Приложение почти в два раза длиннее самого текста диссертации, и именно оно сообщает исследованию необходимую **достоверность и проверяемость**: заинтересованный читатель может сверить с оригиналом любую форму и убедиться в том, что суждения автора имеют солидную основу. Несколько разочаровывает отсутствие выводов по главам, особенно выводов ко второй главе, которые позволили бы читателю собрать воедино и обобщить сведения о рассматриваемых системах выражения прошедшего времени в трех языках. Заключение делается по тексту всей работы. Диссертация характеризуется иногда чрезмерной лапидарностью изложения, что, с другой стороны, делает чтение увлекательным и легким, несмотря на сложность рассматриваемых проблем. За исключением некоторых шероховатостей изложения (например, с. 12, с. 127), диссертация написана ясным, живым и красивым языком, вычитана, не содержит опечаток и правильно оформлена, поэтому ее легко читать.

Такая работа требует от автора огромной языковой и источниковедческой эрудиции. Помимо свободного владения древнегреческим и древнерусским языком он демонстрирует завидное знание источников, хорошо ориентируется в текстах памятников и их интерпретациях, имеет солидную текстологическую базу. Благодаря этому ему удается сделать ряд важных и нетривиальных наблюдений и выводов. В дальнейшем я сосредоточусь на тех аспектах работы, которые связаны с моими научными интересами. Перечислим основные достижения диссертации с точки зрения теории грамматики.

Существенны и нетривиальны наблюдения автора, касающиеся закономерных особенностей выбора грамматических форм переводчиком (с. 127 и далее). Так, несмотря на близость основ имперфекта и настоящего исторического в оригинале, переводчик только в восьми случаях из почти двухсот восьмидесяти использует имперфект как эквивалент настоящего исторического. Это говорит, с одной стороны, о том, что настоящее историческое еще далеко от формирования, а с другой стороны,

свидетельствует о том, что переводчик не ориентируется на исходные древнегреческие формы, а ищет функциональные соответствия в родном языке.

На основе анализа многочисленных примеров автор демонстрирует значительную близость простых и сложных претеритальных форм в данном тексте не только с точки зрения их темпоральной отнесенности, но и с точки зрения их аспектуального статуса. Удачными иллюстрациями этого положения является анализ примеров передачи длительного действия как формами аориста (эпизод обличения грешников, с. 92), так и формами имперфекта (рассказ Андрея о пребывании в раю, с. 106), начальной фазы действия обеими простыми формами (ср. аорист побѣже в описании разгрома в таверне, с. 94 и форму имперфекта въпиіаше в просьбе о спасении от опасности, с. 108), таксисного значения предшествования обеими простыми формами (ср. примеры на с. 95-96 и 110-111).

Вместе с тем, не все взаимозамены времен возможны и сопоставимы по частотности. Так, имперфект встречается в функции перфекта только один раз (ср. форму пожагаше, разбираемую на с. 137), однако неоднократно замещает греческий плюсквамперфект, так как естественно выражает длительное действие в прошлом. Автор делает разумный вывод о том, что «выражение способов протекания действия формами прошедшего времени зависит скорее от вида основы, а не от самой формы» (с. 139).

Об этом свидетельствует также и то обстоятельство, что оба простых претерита оказываются способны обозначать как длительное действие в процессе его протекания, так и целостное действие (см. об этом в разделе «Нейтрализация на с. 130). Все это позволяет утверждать, что общеславянская система простых претеритов к 12 веку оказывается разрушенной. Таким образом, можно сказать, что автор пришел к важным теоретическим выводам, что и определяет **теоретическую значимость** работы. Составленный А.В. Сизиковым конкорданс по глаголам ЖАЮ украсит любой компьютерный корпус по палеославистике. Кроме того, результаты этой работы должны учитываться в теоретических и практических исследованиях по истории русского языка, палеославистике, текстологии, теории перевода и библеистике. Следовательно, диссертация имеет и большое **практическое значение**.

Как и всякая интересная работа, диссертация А.В. Сизикова побуждает к дискуссии, вызывает вопросы, а иногда и несогласие. Начнем с вопросов.

Как автор понимает «совершаемость» глагольного действия и почему предпочитает этот термин термину «способ действия» или «характеризованный способ действия», обычно применяемому в современной аспектологии?

На с. 8 автор пишет, что основным методом является сравнительно-сопоставительный и метод функционального анализа. Как именно применяется метод функционального анализа и на какие работы в этой области опирается автор? Хотя в работе и цитируется первый том серии «Теория функциональной грамматики», автор упоминает его только для того, чтобы сказать, что не будет применять модель функционально-семантических категорий, так как выделение этих категорий предполагает рассмотрение не только глагольных форм, но и вербоидов. Кажется неоправданным то, что не учитывается глава по перфектности, написанная Ю.С. Масловым, а также работа А.В. Бондарко о настоящем историческом в славянских языках (Бондарко 1956/2005). Дело не в том, что я хочу найти пробелы в литературе - список работ как раз привлекает тем, что он специально ограничен темой диссертации, и читатель понимает, что автор знаком с гораздо более обширным кругом работ. Дело в том, что автор учитывает классические работы по текстологии и несколько современных типологических исследований общего характера, например, концепцию Бертинетто, но, на мой взгляд, мало принимает во внимание славистические исследования. Без этого объяснения читателю не до конца ясно, на каких основаниях глагольным формам приписывается та или иная трактовка. Например, в Приложении на с. 57 всем аористам от глаголов с приставкой *въ-* приписывается одна и та же функция – целостное действие, отнесенное в прошлое. В современном языке некоторым из них будет приписана идея начинательности (восхотѣ 1915, възъгрѣмѣ 4286), для других же форм с этой приставкой (въстати 2675, въсхытиша 119, впаде 3044) более характерна идея траектории движения, подкрепленная парным приставке предлогом. Не споря с трактовкой автора, я хотела бы понять, на каких основаниях определяются частные значения форм в Приложении и в тексте работы.

Не учитывается аспектологическая концепция С. Дики относительно содержания категории вида в восточно- и западнославянских языках. С его точки зрения, если для западнославянских языков на передний план в семантике вида выдвигается целостность действия, то для восточнославянских скорее характерно понятие о временной определенности (Dickey 2000). Это различие (вероятно, зарождавшееся как раз во время перевода ЖАЮ) оказывает влияние на большую употребительность форм СВ в

западнославянских языках, видовую парность отглагольных имен, особенности выражения повторяемости действия (см. также Varentsen 2011; Venacchio 2011). Интересно было бы проследить, отражается ли оно каким-нибудь образом в претеритальных формах ЖАЮ или для того этапа древнерусского языка характерно синкретическое выражение целостности и временной определенности.

Высказанные мною замечания и пожелания не меняют общего исключительно положительного впечатления о работе и имеют скорее футуральную, а не претеритальную направленность. Диссертация Сизикова Александра Владимировича на тему: «Формы прошедшего времени в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Сизиков Александр Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Член диссертационного совета

Д.ф.н. доцент зав. Отделом теории грамматики ИЛИ РАН

Профессор кафедры русского языка СПбГУ

Воейкова М.Д.

Дата 09.0.2018

Подпись М.Д. Воейковой
удостоверяю
ст. референт ИЛИ РАН Воейкова